

ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ

Лина БОГДАНОВА

ИНТИМ НЕ ПРЕДЛАГАТЬ, ИЛИ НОВАЯ ЖИЗНЬ БАБУШКИ КЛАВЫ

МИНСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»

2024

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44
Б73

Серия основана в 2019 году

Богданова, Л.

Б73 Интим не предлагать, или Новая жизнь бабушки Клары / Лина Богданова. — Минск : Четыре четверти, 2024. — 228 с. — (Серия «Женские судьбы»).

ISBN 978-985-581-704-9.

Лина Богданова в очередной раз удивляет почитателей своего таланта. Возраст героев книги «Интим не предлагать, или Новая жизнь бабушки Клары» — за 60. Появляется больше времени для любимых и близких людей, для своих увлечений, отдыха. И еще шанс что-то успеть изменить и исправить, а может быть, открыть удивительное в давно знакомом.

Душевные, трогательные, порой ироничные истории, собранные в книге, помогут читателю уйти от устоявшихся стереотипов и по-другому взглянуть на жизнь своих пап и мам, дедушек и бабушек. Ведь люди серебряного возраста умеют ценить каждое мгновение. Пожалуй, стоит у них поучиться.

**УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44**

ISBN 978-985-581-704-9

© Богданова Л., 2024
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2024

ТРИ «ТАНКИСТА», ИЛИ МЕЧТЫ ПОРОЙ СБЫВАЮТСЯ

Повесть

«Три танкиста, три веселых друга — экипаж машины боевой...» — разносилось по всей улице.

— Во блин! — сплюнул в сторону шикарной чугунной ограды новенького коттеджа Николай. — Столько лет прошло, а репертуар у нас не меняется. А пора бы — времена конкретно изменились. Раз десять, не меньше.

Впрочем, ворчал он просто так. Для настроения. Песня, звучащая с противоположного края родной улицы, нравилась ему всегда. В детстве они с пацанами усаживались на забор в старом парке и могли в тридцать пятый, а то и в сороковой раз следить за развитием событий любимой киноленты совершенно бесплатно. Летний кинотеатр позволял всем желающим лицезреть шедевры отечественного и зарубежного кинематографа с апреля по октябрь.

От Николкиной улицы до амфитеатра рукой подать. Ребятня занимала вакантные места часа за два до сеанса. Дежурили по очереди. Отбивались от конкурентов вместе. Прятались от милицейского патруля — как кому придется. Милиция особенно ребятишек не донимала — тут бы со взрослыми нарушителями справиться. А эти... пускай приобщаются к культуре. Все лучше, чем драться или «чернила» в закоулках распивать.

И они приобщались. Мальчишки знали толк в фильмах. Мюзиклы и слащавые зарубежные истории игнорировали. Предпочитали военную тематику. Или приключения.

Николай обожал Крючкова. Знал практически наизусть все его коронные фразы и песни. Мечтал поступить в военное училище и стать летчиком. Или танкистом. Его на родной улице и стар и мал танкистом звали. Он и рад был. Старался соответствовать.

Шлемофон на барахолке купил настоящий. Документы в училище отправил. К экзаменам готовился.

Не повезло: на математике срезался. Два раза. А потом в армию пошел. В пехоту определили. Ну пехота так пехота. Какая-никакая, а армия. Получил права. Стал механиком. Остался на сверхсрочную. Потом школу прапорщиков окончил. Двадцать лет прослужил. В Афгане ранили. Списали в запас. Пенсию неплохую государство выделило. Живи да радуйся.

Он и радовался. Переехал с женой в родительский дом. Мать с отцом до смерти досмотрел. Сына вырастил. А потом поперли косяком неприятности. СССР распался. Контору, в которой Николай подрабатывал, закрыли. Жена вдруг к другому ушла. Сын женился неудачно.

Николай крепился-крепился, а потом запил. С кем не бывает? Думал, переживет в винном дурмане свои и чужие неприятности и вернется к нормальной жизни. Не получилось. Дурман алкогольный крепче воли оказался. Бывает.

Пока пил да на грубости нарывался, дом их снести решили. Собирались автозаправку строить у перекрестка, а пара домов мешала. Ну жалеть нечего: дом дед еще строил. Крыша в двух местах латанная-перелатанная. Порог прогнил. Окна в горнице покосились. Супруга сына внука носила. Первенца. В ноги свекру кинулась: выручайте, мол, Николай Павлович, хочется ребеночка в тепле-сухости вырастить. Николай особенно не сопротивлялся — хочется, значит, будет. А чего гнилье жалеть? Квартиру им обещали трехкомнатную. При случае на две однушки поменять можно. В общем, подписал требуемую бумагу. Без проблем.

На радостях отметил это дело. Недели две отмечал. По друзьям и приятелям. Пока пенсия не кончилась. Вернулся, а сына с невесткой и след пропал. Насилу разыскал.

Следовало прописаться. Николай — туда-сюда — а паспорта нету. Потерял на разгуляе. Невестка пристыдила. Он вскипел: по какому праву?! В моем дому...

Притормозил: был дом да сплыл. Теперь вот квартира. Общая. Какое там! Сын с невесткой прописаны, а он... Разобиделся.

Психанул. Швырнул едва ли не в лицо сыну ключи. Рывкнул, неловко сбегая по ступенькам:

— Да подавитесь вы этой квартирой, живоглоты несчастные! Живите, радуйтесь! Без меня.

И был таков. Снова пил. Подвизался на временных работах. Ночевал где попало. Приятели советовали вернуться, потребовать своего.

— Да пошли они! И так проживу! — ерепенился Николай.

Да и как тут не ерепениться: обратился как-то в паспортный стол — так, мол, и так, потерял документ, выпишите новый.

В ответ: принесите справку о составе семьи.

Откуда?

С места прописки.

Круг замкнулся.

— И так проживу! — в пьяном раже орал Николай в холодное равнодушное небо. — Кланяться не привык! Не заставите!

И прожил. Вернее, проживал. Как мог. Местами сытно и пьяно. Местами холодно и голодно. Местами серединка на половинку.

С временной подработкой становилось все труднее. Сбирал картон и лом металлический, сдавал. На вырученные деньги ел и пил. Все больше пил — засасывал алкогольный омут несостоявшегося танкиста. Медленно, но очень верно. Да и выбора особого не было. На трезвую голову жизнь казалась невыносимо несправедливой. И потраченной почему зря. Хоть в петлю лезь!

В петлю пока не хотелось. Хотелось кому-то чего-то доказать. Быть полезным. Нужным. Да просто быть! Дышать упоительно свежим воздухом. Наслаждаться залившимся птичьим пением, запахами трав и цветов, пестротой весеннего сада, золотыми всполохами осеннего парка. Серебряными отблесками снега, теплыми переливами закатов и восходов. На трезвую голову очень хотелось.

— Да мало ли в жизни радостей! — убеждал себя Николай, отмаявшись очередным похмельем. — Я ж не старый еще — всего ничего, шестьдесят два. Отцом бы мог стать, если б женщина подходящая подвернулась. Нет! Не хочу отцом, был уж раз. Не

хочу больше... Да и какой нормальной женщине нужен алкоголик и тунядец? Так что нечего в эту сторону дышать. Ищи, танкист, что другим негоже. Конкуренции тебе не выдержать. На первом стыке обломают.

Время от времени забредал Николай на родную улицу. Да и как не забредать! Малым пацаненком он ее от края и до края за день оббегал. Там новость какую поймает, там яблоком сосед угостит, там приятели велик дадут на пару кругов. Весело жилось на старой Переселке. Вкусно. Забавно. И интересно.

— Не та теперь улица, — ворчал Николай, отмечая одну за другой перемены. — Совсем не та. Ни тебе друзей-приятелей, ни соседей с яблоками. Всяк за своим забором прячется. Только посмей заглянуть! Тут тебе и собаку спустят. И милицию вызовут. Вот и приходится осторожничать.

«Мечта сбывается и не сбывается...» — нес ветер с другой стороны улицы.

В принципе, Николай против мечты ничего не имел. Хотя мечтать не любил. А чего тут любить? И так все ясно: плохо человеку в одиночку. Вот если бы нашлась на планете родственная душа...

— Да еще на родной улице! Вот бы жизнь у меня пошла, только успевай поворачиваться. Я бы ее на руках носил! Желания, что та золотая рыбка, с разбегу выполнял бы. И мечты заодно. Хотя... какие там разбеги у золотой рыбки. Ни ног, ни дорог...

Николай махнул рукой в сторону уплывавшего за горизонт облака, приподнял воротник и вышел наконец на знакомую тропинку. С одной стороны — дом старика Прокопьева, с другой — водонапорная колонка, за ней заброшенное здание детского садика. Сколько себя помнил Николай, садик был заброшен. Мальчишками они лазили сюда за грушами и просиживали штаны в покосившихся беседках с проломленными беспощадными предшественниками крышами.

— И ведь до сих пор стоит! — сетовал на судьбу Николай. — И простоит невесть сколько. А мой дом кому-то в срочном порядке понадобился. Разрушили жизнь человеку ради трех бочек с бензином — вот тебе, батюшка, высший суд!

«Мчались танки, ветер поднимая, наступала грозная броня...» — неслось с выходящей на проспект переселковской окраины.

— У... у-у-у... — в такт музыке подвывал Мухтар, сидя на крыше своей «бронемашины». — У-у...

— Чтоб тебя, танкист фигов! — кипятилась за высоким забором бабка Тарасовна. — Опять завел свою канитель! Гляди у меня, кобель шелудивый: будешь выть — не получишь обеда!

Мухтар довыл до конца куплета и притих: лишённая обеда и без того нелегкая его жизнь теряла всякий смысл. Придется потерпеть до следующей трансляции: авось вредная Тарасовна отлучится на часок по делам. Пес немного побалансировал на дышащей на ладан будке и нехотя спрыгнул в хлипкую, подернутую изморозью грязь. В тесном закутке, где ему довелось исполнять свой собачий долг, помимо грязи и не менее хлипкой старой будки имелась лишь гнутая алюминиевая миска да пара обгрызенных Мухтаром от нечего делать вишневых стволов.

За последующие со смерти хозяина три месяца пес окончательно разочаровался в жизни, озверел и теперь кидался к забору при малейшем шорохе, провожая нарушителя ненавистного спокойствия истошным лаем.

Соседские мальчишки, некогда дразнившие Мухтара танкистом, теперь остерегались тревожить пса: забор вокруг дома обветшал, вдруг злыдень вырвется. Ребята переключились на другие, менее опасные эксперименты. А позабытая всеми собака почти одичала в своем мокром и холодном углу. На долю верного сторожа и защитника досталась одинокая и мучительная старость.

Мухтар тяжело вздыхал, устраиваясь на охапке гнилой соломы и с тоской посматривая в узкий люк на крыше будки. Вспоминал хозяина. Тому взбрела в голову блажь проделать в крыше собачьего дома дыру с крышкой.

— Все собаки как собаки, а мой — танкист! — пояснял любитель модного когда-то сериала «Четыре танкиста и собака». — Пускай привыкает: ежели что, вместе поедем Родину защищать! И Петровича с собой прихватим до комплекту.

— А где еще двоих возьмете? — хитро тарасила свои подслеповатые глазенки Тарасовна.

— В чем проблема, соседушка? — подмигивал ей хозяин, поглаживая своего лохматого любимца. — Было бы предложено, за моим Мухтаром пол-улицы побежит!

Не дождался старик войны. Умер под Новый год. С тех пор и начались Мухтаровы страдания. Сперва по хозяину тосковал. От еды отказывался. Выл беспрестанно. Старуху-хозяйку близко к себе не подпускал. Довыпендривался: старуху дети к себе забрали. В квартиру со всеми удобствами.

Дом заперли. Тарасовну попросили пса кормить. Сами навещивались редко. Печки протопить да огород вскопать. К Мухтару в закуток заходить никто не собирався. Жив и жив. А помрет — закопаем. Подумаешь, ценность великая — не на хуторе живем, ежели что — соседи позвонят. И потом: кому понадобится в старую развалину без спросу лезть?

Уезжая, старуха наклонилась к забору, шепнула псу:

— Извиняй, Мухтарушка. Мочи нет одной маяться. Молиться за тебя буду, просить у Господа постояльца на дом. Глядишь, и за тобой присмотрит. Негоже собаке без человека век вековать. А пока что оставила Тарасовне пенсию, она баба порядочная, без куска хлеба тебя не оставит.

Порядочная баба Тарасовна прибежала поутру. Выплескивала из закопченной кастрюльки смесь недоеденного вчерашнего ужина с собачьей колбасой и пшенкой. К полудню заглядывала через забор, справлялась — съел ли Мухтар свой суточный порцион. Насмеялась будто — как тут не съесть? Хозяин выделял порции раза в два больше.

— Схозячил, спиногрыз? Водицы налью, что ли?

Наливала, перевесив через забор ковшик. Расплескивала полловину. Ближе подходить остерегалась, больно свирепый вид имел ошалевший от тоски и одиночества пес. И как тут не ошалеть — ни доброго слова, ни короткой прогулки по окрестностям (хозяин ежедневно давал Мухтару прогуляться), ни свежей травинки, ни

сухой кочки. Правда, свобода была близка — стоило лишь выломать пару штакетин из забора. Но пес помнил о долге и исполнял его в меру своих сил и понятий. Людям бы так...

«... а все хорошее и есть мечта...» — доказывал равнодушному миру магнитофон на другом конце улицы.

Мухтар не слишком любил эту песню, но мечты уважал. И чужие, и свои. Своих-то почти не осталось. Вот раньше... Мухтар осторожно взобрался на относительно сухую поверхность будки, прилег фигурной скобкой, огибая злополучный люк. Кое-как устроился.

Да, были времена...

Из окна кухни доносился аромат варившегося борща, вызывавший у пса обильное слюноотделение. Мухтар носился из конца двора к колодцу и обратно, предвкушая сахарную косточку на ужин. Эх, скорее бы они со своим борщом покончили! И чего медлят?

За сахарную косточку он готов был отдать душу. Ну не совсем душу, но пожертвовать миской перловки мог. А чего жалеть? С косточкой он дружил дня три, вылизывал, выгрызал нечто самому неведомое, но оттого не менее аппетитное. Ворочал носом, двигал лапой туда-сюда. Ложился рядом, то и дело обнюхивая добычу. Вскakiвал ночью, проверяя, не унес ли кто долгоиграющее сокровище. В приливе щедрости соображал, кого бы осчастливить. Снова грыз, вылизывал, обнюхивал...

Были в прежней жизни собаки и другие ценности. Прогулки с хозяином и без него. Забегавшие иногда друзья-приятели. Отношения с окрестными красотками. Любовь-морковь, как говорится. Лютики-цветочки, бабочки-стрекозки. Как же приятно бывало греться на жарком летнем солнышке, лениво напоминая о себе — да на посту я, недалеко ушел — редким вялым лаем. Или купаться в ручье после затяжного пляжного бдения...

Но если бы была у Мухтара возможность выбирать, он бы выбрал главное — позицию «намбер ванн», как любил повторять внук хозяина. Всеми возможными благами жизни он бы пожертвовал ради пары минут, проведенных в ногах у хозяина. Просто так, без поглаживания и почесывания (Мухтар теперь и в мечтах

Галина Анатольевна Богдан (Лина Богданова) окончила Гродненский государственный университет им. Янки Купалы (Беларусь). Работает в школе.

Член Союза писателей Беларуси, Союза писателей Союзного государства, Интернационального Союза писателей (ИСП). Автор 43 книг, а также более 240 публикаций в газетах, журналах, сборниках.

Лауреат и дипломант республиканских и международных литературных конкурсов.

СОДЕРЖАНИЕ

Три «танкиста», или Мечты порой сбываются (*повесть*) 3

Обо всем понемногу (рассказы)

Мамин день	42
Полет человеческих возможностей, намерений и чувств	48
Новогодний перебор	53
Мальвы цветут (<i>исповедь хронически влюбленной</i>)	71
Баба снежная	76
Дилемма (<i>немного грустная история</i>)	79
Новая жизнь старой тети Муси	91
Тысяча поводов для восхищения	101
Новая жизнь бабушки Клавы	109
Снегурочка на пенсии	110
Рождественский диалог с молчаливым собеседником	120
Осенний мотив	128
Дома	133
Пробуждение эгоистки	139
Счастливые мгновенья жизни длинной	143
Слезы... слезы... слезы...	149
Памятник	152
Святочные приключения бабы Мани	156
Пропуск в ягодный сезон	161
Очень теплый листопад	164

Как Петровна от мужа уходила	168
Выпускной Марины Ивановны	171
Что идет бабушкам?	175
Чудеса из секонд-хенда	177
Интим не предлагать	180
Больница	183
Суженый	185
Самое время	188
«Ладушки»	190
Ботинки на коврике	191
Волонтерка	193
Ноябрьский сюрприз	194
«Снежинка»	196
Когда приходит праздник	197
Любвеобильная Света	199
Стимулятор боя	202
Маленькие радости долгого пасхального утра	218
Необычная тусовка	219
Клубничная история	222
<i>Об авторе</i>	225